

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. И. Н. Зуев
г. Барнаул, Россия

ПУТЬ ОТ ОБРАЗА К СИМВОЛУ. ПОЯВЛЕНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ НАЧАЛА XX В. КОНЦЕПТА «СКИФ»

Аннотация: В период конфликта культур в оппозиции Восток-Запад в культурном пространстве России начала XX в. появился и распространился концепт «скиф». Возникает он в поэзии символистов, наиболее законченную форму, практически манифестом становится в поэзии А. Блока. Также переосмысливается и вводится в культурную среду концепт «варвар». Оба лингвистических концепта возникают как своеобразные маркеры, знаки, отличающие культуру Запада от культуры Востока. Они проникают из мира искусства в общую культурную картину общественной жизни. Рассматривается путь от знака через образ к приобретению значения символа и символического; функционирование возникших в «неустойчивое» историческое время концептов, которые приобрели широкое распространение, и достигли уровня феноменов общественного сознания.

Ключевые слова: русский символизм, поэзия начала XX в., западный и восточный мир культуры, образ, символ, знак, семиотическая структура, концепт «скиф», культурное знаковое поле.

Информация об авторе: Илья Николаевич Зуев — аспирант, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, пр. Ленина, д. 61, 656049 г. Барнаул, Россия. E-mail: z_ilya@list.ru

Дата поступления статьи: 17.02.2017

Дата публикации: 15.09.2017

При рассмотрении вопросов концептосферы в искусстве в исследуемой нами теме следует сразу оговориться, что культурно-исторический концепт «скиф», «скифское» практически не имеет ничего общего с определением этих понятий, сложившихся в исторической науке и этнографии. Нами будет рассмотрено появление этого концепта в сфере искусства и литературы, в этом поле значений и представлений, которые в исторической памяти будут определять картину своей эпохи. Именно сейчас в пространстве искусства и культуры реактуализуется «варварское», «скифское» как некий знак самоидентификации России в мировом культурном пространстве. Поэтому представляется важным изучить границы проблемного поля этого концепта.

Первая мировая война и последующие за ней события привели к обострению противостояния России и Европы, что нашло свое отражение в обращении к концепту «скиф» как к фигуре самоназвания в произведениях А. Блока, Ф. Сологуба, М. Волошина и В. Брюсова. В произведениях этих авторов «скиф» предстает как храбрый, дикий и беспощадный воин, принадлежащий иной, неевропейской цивилизации. Появление

концептов «скиф» и «варвар» как концептов самоопределения прежде всего указывает на обострение полемики между Россией и Европой. Поскольку всякая полемика требует общего языка между противниками, в данном случае таким языком становится язык противника, и вместе с этим он подвергается культурной аннексии, что влечет за собой семиотическое обезоруживание другой стороны. «В ходе полемики противники обменялись оружием, и кличка сделалась лозунгом» [10, с. 612]. В данном случае кличка стала лозунгом, под эгидой которого совершалось формирование общества нового типа, ценности которого были прямо противопоставлены «старым», европейским ценностям. Происходило переосмысление прошлого; в силу этого в модели формирования исторической реальности вновь появляется концепт «скиф» как фигура, способная объяснить историческое противостояние России и Европы.

Наиболее полную реализацию в качестве элемента модели интерпретации исторической реальности концепт «скиф», на наш взгляд, нашел в оде «Скифы» А. Блока. Как первоначальную причину создания произведения следует рассматривать современное А. Блоку событие: в январе 1918 г. в газетах было опубликовано сообщение о срыве сепаратных переговоров между Германией и Советской Россией. На фоне этого западные районы страны были оккупированы германскими войсками, а в Германии тем временем могли бы развернуться революционные события, аналогичные событиям, происходившим в России. Эта историческая ситуация была воспринята А. Блоком как крушение европейской цивилизации, и вина за гибель цивилизации, с его точки зрения, лежит на самих европейцах, тогда как революционный путь обновления, на который вступила Россия, дает шанс построения новой «евразийской» культуры взамен «одряхлевшей» европейской.

В своем дневнике от 11 января 1918 г. Блок писал: «Мы свою историческую миссию выполним. Если вы хоть “демократическим миром” не смоее позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, знайте, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом. Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ будет единственно достойным человека. Мы выполним свою черную работу — вскрыть Правду» [3, с. 317–318].

Следует оговорить, что доминирование символической модели исторических представлений в русском обществе лишь на начальном этапе хронологически совпадает с символизмом как литературным течением. Символическая модель, в отличие от художественного течения, остается востребованной до конца второго десятилетия XX в. Основное различие заключается в том, что для символизма как художественного течения «базисной трансформацией является превращение «реалий» и жизненных обстоятельств в знаки, референциальная функция которых сведена к минимуму» [16, с. 33], тогда как в символической модели интерпретации истории референтом является событие прошлого, которое осмысливается как предтеча событий современности. Следовательно, понимание смысла, извлекаемого современниками из символической модели интерпретации исторической реальности, невозможно без референта.

На наш взгляд, можно выделить по крайней мере два референта данной модели интерпретации исторической реальности: во-первых, этим референтом в данном случае выступает представление о скифском государстве как о государстве «военной демократии», что определяет равенство его граждан; во-вторых, мотив противостояния скифов и Римской империи, приведшего к падению последней. Положение о том, что

скифы являются предками славян, более не нуждалось в какой-либо правдоподобности, в условиях кризиса национальной идентичности оно стало, видимо, убежденностью. А. Белый отмечал, что русское общество «читало современность в прообразах прошлого: то, что казалось нам в прошлом нелепым, оказалось символичным, получило чисто внутренний смысл» [1, с. 358].

А. Блок ставит эпитафией строки из стихотворения Вл. Соловьева: «Панмонголизм! Хоть имя дико, / Но мне ласкает слух оно». Здесь эпитафия выполняет функцию культурного символа и отсылает к историософским взглядам Вл. Соловьева. Он полагал, что гибель ждет европейскую цивилизацию, поскольку в XX в. «китайская идея порядка столкнется с западной идеей прогресса» [9, с. 490] и в результате победу одержит восточная цивилизация. Россия также погибнет от восточной цивилизации, ее ждет участь Византии, поскольку она «утратила представление о вечной правде» [19, с. 788]. Это убеждение и легло в основу стихотворения «Панмонголизм»:

Судьбою павшей Византии
Мы научиться не хотим,
И все твердят льстецы России:
Ты — третий Рим, ты — третий Рим.
О Русь! Забудь былую славу,
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе
Кто мог завет любви забыть,
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть [19, с. 445].

Необходимо отметить, что мотив гибели России как наказания за утрату истинных ценностей был чрезвычайно актуален. На это может указывать тот факт, что в четвертом номере Вестника Европы за 1896 г. наряду со статьей Вл. Соловьева «Россия и Византия» было опубликовано стихотворение М. Марика (с. 786), в котором предсказывается гибель России:

Повержена во прах вчерашняя святыня
Нет больше божества... Осмеяны жрецы

Но мотив обреченности России на гибель противоречит общему пафосу произведения А. Блока. Роль этого мотива становится понятной, если вспомнить, что «оперирование символом как “знаком” предполагает не реконструкцию этого знака, а реконструкцию ситуации порождения как денотата, так и знака» [17, с. 100]. Осознание ситуации как кризисной предполагает альтернативность дальнейших вариантов развития. Реализованность той или иной альтернативы зависит от того, как обществом будет понята и осуществлена его историчность. Русское общество свою историчность реализовало как возможность революционного обновления, и, на наш взгляд, в символической модели исторического мировоззрения выражается отношение знаковой системы культуры к реальному историческому процессу.

Революционная ситуация возникает в результате кризиса национальной идентичности и реализуется как «состояние взрыва», характеризуясь «моментом отождествления всех противоположностей» [15, с. 245]. Для самосознания революционных эпох так же характерно «отождествление всех противоположностей». Это позволяет предположить, что процесс самоидентификации общества в революционную эпоху приводит к доминированию символической модели интерпретации исторической реальности, в которой отождествление всех противоположностей — это одновременно и указание на разрыв «связи времен», и на возможность его преодоления в процессе исторического действия, когда прошлое воспринимается в его «жизненно-непосредственной деятельности» [7, с. 199] как инструмент преобразования действительности.

На взаимосвязь понятий символа и революции указывал К. А. Свасьян: «Революция — вот иное имя символа, не объяснение жизни в абстрактных эмблемах, а перделка ее в ритме разоблачения старого и облачения в новое сознание» [17, с. 96]. Революция воспринимается как событие, прерывающее цепь событий предшествующей истории. Действительно, революционные эпохи характеризуются прежде всего стремлением к тотальной «перделке общества, <...> стремлением раскрыть крайние возможности общества, которые актуализируются, когда оно хочет быть, и быть другим» [18, с. 20]. В этом контексте становится понятным стремление к символическому осмыслению исторической реальности. А. Ф. Лосев подчеркивал, что в революционных условиях особую роль выполнял символ как «модель для огромных социально-исторических сдвигов, <...> являясь конструктивно-техническим принципом для человеческих действий и волевой устремленности» [7, с. 253–254]. Следовательно, для общества оказывается актуальным символический механизм интерпретации истории. В революционные эпохи история воспринимается как другая реальность, разрушающая данные культурные ценности и служащая фундаментом для созидания новых, поскольку именно в переломные эпохи история воспринимается «не как то, что было, а как то, что есть, как присутствие» [18, с. 475]. Таким образом, ключевым признаком символической модели интерпретации исторической реальности служит принцип восприятия исторического события как события, происходящего в актуальном настоящем, что позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о неизбежном доминировании символической модели в революционную эпоху. В «Скифах» А. Блока современные события, безусловно, воспринимаются как продолжение событий мифологизированного прошлого. С другой стороны, многозначность символического механизма смыслопорождения служит причиной восприятия прошлого, в результате которого появляется новый культурный опыт и происходит разрушение «застывших» форм культуры, радикальное преобразование культуры как моделирующей системы.

Основополагающим элементом революционного мировоззрения является идея кардинального преобразования действительности, и именно в этом состоит притягательность революционного мировоззрения, поскольку, как отмечал Н. А. Бердяев, «титаническая экзальтация революционной воли предполагает существование реального мира, над которым совершается акт, акт его изменения. Каждый чувствует себя участником общего дела, имеющего мировое значение. Жизнь поглощена не борьбой за свое существование, а борьбой за переустройство мира» [2, с. 123–124]. Социальная революция была воспринята русским обществом как семантическая доминанта, которая осветила предшествующие события русской истории, соединила их причинно-следственными связями в символическом конструкте «скифа», который воспринимался как «конструктивная сила», способная преобразовать действительность именно в силу того,

что состоялся радикальный разрыв с традициями XIX в. Видимо, совсем не случайно, что «скиф» как символический конструкт послужил своеобразным мировоззренческим «водоразделом» взглядов русского общества не только на русскую историю, но и на современность. Ряд современников приравнивали «Скифов» к «Клеветникам России» А. С. Пушкина, А. Белый писал Блоку: «Читаю с трепетом тебя. “Скифы” огромны и эпохальны» [1, с. 282]. И. А. Бунин, не принимающий революционных событий 1917 г. и расценивающий их фактически как второе нашествие татаро-монголов, погубивших Русь, писал: «Один великий приступ Русь “перемогла”. Но вот надвинулся новый, и, быть может, еще более страшный. Далеко той, прежней роже, что бахвалилась на пиру в Киеве, до рожи нынешней, что бахвалится на пиру в Москве» [5, с. 360]. Он направлял свой публицистический пафос и против «Скифов» А. Блока, воспринимая их как пропаганду большевистского режима, лишенную каких-либо исторических представлений: «В степи, где нет культуры, нет сложного и прочного быта, а есть только бродячая кибитка, время и бытие точно проваливаются куда-то, и памяти, воспоминаний почти нет» [5, с. 369]. В качестве достойного референта символической модели интерпретации исторической реальности Бунин видел «Киевскую эпоху нашей истории» [5, с. 362]. Однако на протяжении XVIII–XIX вв. русское общество так и не смогло воспринять исторические события эпохи Киевской Руси как события, актуально присутствующие в настоящем, видя в них дела седой древности, интересные современнику только с эстетической точки зрения, не актуальные для настоящего. Исторические события эпохи домонгольской Руси никогда не составляли «сложной реальности» духовной жизни русского общества, существуя лишь в качестве реконструкции, не способной оказывать влияние на современность.

Фигура скифа была введена в злободневный контекст современной Блоку действительности не случайно, поскольку варвар выступает как исторический субъект, представитель архаического мира, разрушающий цивилизационные устои общества [14, с. 315]. С другой стороны, как мы уже отмечали выше, начиная со времен Н. М. Карамзина, скиф традиционно воспринимался в России как представитель молодой цивилизации, противостоящий зрелой эллинской. Следовательно, здесь указывается на необходимость создания «концепции живой, могучей и юной России», о чем еще в 1909 г. Блок писал В. В. Розанову [3, с. 277]. Застывшие, заимствованные Россией у Европы формы культуры сковывали потенциал России и грозили ей утратой основ исторического самосознания. Эта ситуация репрезентируется Блоком в цитате из «Слова о полку Игореве» — «крылами бьет беда», но эта же цитата служит указанием на связанность драматических событий древней истории России и современности. В символической модели интерпретации исторической реальности одновременно сосуществуют несколько исторических времен, дополняя и «выговаривая» друг друга. Убежденность Блока в правильности выбранного Россией революционного пути подчеркивается введением мотива пира, так как пир являлся устойчивым средневековым символом победы [7, с. 25]. В пире как символе победы репрезентируется обретение собственной истории в качестве ценности, которая, по мысли Вл. Соловьева, «не только хранится нами как что-то конченное и, следовательно, конечное, как что-то отдельное от нас и, следовательно, внешнее, но и живет в нас самих, и мы живем ею, не переставая, действует в нас, и мы действуем ею» [19, с. 799]. Рискнем предположить, что эпиграф «Скифов» отсылает читателя к этим взглядам Вл. Соловьева. То, что было утрачено русским обществом в конце XIX в., было обретено, по мнению А. Блока, в ходе революционных потрясений, история стала осознаваться людьми через личное чувство сопричастности

прошедшим эпохам. Поэт был хорошо знаком с работой Вл. Соловьева «Философия истории» [19 с. 342–359], где автор указывал на то, что «гибель Византии — это закономерная расплата за утрату истинных ценностей и за отказ «совершенствования, <...> тогда как Россия в XVII в. избежала участи Византии; она осознала свою несостоятельность и решила совершенствоваться. Великий момент этого сознания и этого решения воплотился в лице Петра Великого» [19, с. 356]. Эпиграф, несомненно, отсылает и к этой работе. А. Блок в революции видел «путь совершенствования», который приведет к спасению России, и пытался найти, как пишет Ю. М. Лотман, «спасение для интеллигенции, открывающей себе народную веру и восстанавливающей утраченную связь с народом. <...> Блок вступает как искатель пути, с которым он связывает надежду» [14, с. 26]. В «Скифах» как символической модели интерпретации исторической реальности происходит объединение «генерализирующего символического и конкретно-исторического понимания действительности» [17, с. 515]. Соотнесенность событий современности с событиями русской истории и образует символическую модель интерпретации исторической реальности, представленную в оде А. Блока «Скифы», через символическую модель восстанавливается связь между прошлым и настоящим. Особое внимание автора к историческим событиям было вызвано стремлением понять, с одной стороны, мировую историю, исходя из опыта русской революции, а с другой — понять революцию как закономерное событие в развитии мировой цивилизации, что возможно было только в символической модели интерпретации исторической реальности.

В связи с этим мы приходим к выводу, что обостренная потребность в самоидентификации и повышении уровня национального исторического самосознания приводит к доминированию символической модели исторической реальности в революционную эпоху, когда история воспринимается «не как то, что было, а как то, что есть, как присутствие» [14, с. 475]. Сформированная в условиях кардинального переустройства общества символическая модель интерпретации исторической реальности, в свою очередь, влияет на пересмотр традиционных представлений о месте цивилизации в мировой истории.

Таким образом, анализ реализации концепта «скиф» в моделях интерпретации исторической реальности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, данный концепт появляется в период становления новой русской культуры, ориентированной на традиции европейской культуры. То обстоятельство, что в этот период русское общество переживало этап активного обучения новому культурному языку, определило доминирование знаковой модели интерпретации исторической реальности. Не случайно «любопытный скиф» осознается как русский дворянин, обучающийся у Европы. Это было явное заимствование чужой, европейской традиции, но появляется оно в качестве фигуры самоназвания культурного субъекта русского общества. В этот период концепт «скиф» следует относить только к дворянской культуре. Дальнейшая трансформация концепта происходит в образной модели интерпретации исторической реальности. В начале XIX в. образ «любопытного скифа», наполненный национальным и историческим (временным) содержанием, становится средством понимания недавнего прошлого, выступая не как заимствованная традиция, а в качестве способа осмысления прошлого и настоящего как единого исторического процесса, оставаясь в рамках исключительно дворянской культуры. В дальнейшем, подчиняясь динамике моделей интерпретации исторической реальности, концепт «скиф» трансформируется в общенациональный символ, через который события прошлого начинают осознаваться как события, актуальные настоящему. В оде концепт «скиф» через

осознание прошлого и настоящего как единого «события», причем «со-бытия», отрицающего разделение общенациональной культуры, объединяет культуру всех сословий в единую национальную культуру. Все это не может не свидетельствовать о принципиально другом уровне исторического и национального самосознания. Следовательно, онтологическими составляющими концепта «скиф» являются фигура самоназвания, способ понимания событий прошлого, репрезентация единой национальной культуры через постижение общего исторического прошлого.

Во-вторых, проанализировав реализацию концепта «скиф» на конкретном историческом материале, мы делаем вывод о закономерности динамики смены моделей интерпретации исторической реальности от знака через образ к символу.

В-третьих, мы приходим к выводу, что выбор модели интерпретации исторической реальности обуславливается внешними факторами, однако роль исторической реальности в социальной реальности, понимающей современность как результат прошлых событий и смену исторических ориентиров, влияющих на национальное и историческое самосознание, определяет модель интерпретации исторической реальности, которая подчиняется своей внутренней динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Кризис культуры // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 260–400.
- 2 *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1989. 224 с.
- 3 *Блок А. А.* Дневники // *Блок А. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Госполитиздат, 1964. Т. 6. С. 317–381.
- 4 *Богин Г. Г.* Филологическая герменевтика. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1982. 347 с.
- 5 *Бунин И. А.* Иония и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого // *Бунин И. А.* Окаянные дни. М.: Сов. писатель, 1990. С. 359–371.
- 6 *Быстров В. Н.* Идея преображения мира в сознании и творчестве Александра Блока. Грани трагедии (1910–1921) // Литература и история. СПб.: Наука, 2001. Вып. 3. С. 359–413.
- 7 *Лихачев Д. С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Искусство, 1999. 280 с.
- 8 *Лосев А. Ф.* Логика символа // *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во Политической литературы, 1991. С. 247–274.
- 9 *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во Политической литературы, 1991. С. 21–186.
- 10 *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Наука, 1982. 620 с.
- 11 *Лотман Ю. М.* Театральный язык и живопись // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 234–280.
- 12 *Лотман Ю. М.* Тезисы к семиотике русской культуры. Программа изучения русской культуры // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 407–416.
- 13 *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1974. 350 с.
- 14 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб, 1994. 780 с.
- 15 *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Наука, 1988. 280 с.

- 16 Пелепенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: АГРАФ, 1998. 340 с.
- 17 Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. Благовещенск: Благовещенский педагогический колледж, 2000. 280 с.
- 18 Смирнов И. П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: Гнозис, 2000. 544 с.
- 19 Соловьев В. С. Россия и Византия // Вестник Европы. 1896. № 4. С. 787–808.
- 20 Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995. 624 с.
- 21 Ханзен-Леве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Искусство, 1999. 580 с.
- 22 Хачатурян В. Революция и русская культура в концепции // Европейский альманах: История, традиция, культура. М.: Наука, 1993. С. 39–49.
- 23 Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф». Русский портрет и мемуаристика второй половины XVIII в. М.: Искусство, 1990. 520 с.

© 2017. Ilya I. Zuev
Barnaul, Russia

THE WAY FROM IMAGE TO SYMBOL. EMERGENCE AND REALIZATION OF THE CONCEPT “SCYTHIAN” IN THE RUSSIAN ART OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract: Period of the clash of cultures in the opposition East – West is the time of emergence and propagation of the concept “Scythian” in cultural space of Russia of the beginning of 20 century. Originating with the poetry of symbolists, it received its most complete, and effectively the manifest form in A. Blok's poetry. Another concept under study, reinterpreted and introduced into cultural environment is “barbarian”. They appear as original markers, the signs distinguishing culture of the West from culture of the East. These linguistic stable structures infiltrate into the general cultural picture of public life from the world of art. The paper also deals with the functioning of concept that came to being in “unstable” historical times and reached the class of public consciousness` phenomena. Among others the way through the sign to the image to assigning of the symbol`s value and symbolical is considered.

Keywords: Russian symbolism, poetry of the beginning of 20 century, western and eastern world of culture, image, symbol, sign, semiotics` structure, concept “Scythian”, cultural sign field.

Information about the author: Ilya I. Zuev — Postgraduate Student, Senior Researcher, Altai State University, Lenin av., 61, 656049 Barnaul, Russia. E-mail: z_ilya@list.ru

Received: February 17, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Belyi A. Krizis kul'tury [The crisis of culture]. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 260–400. (In Russian)

- 2 Berdiaev N. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 224 p. (In Russian)
- 3 Blok A. A. Dnevniky [Diaries]. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [The collected works: in 8 vols.]. Moscow; Leningrad, Gospolitizdat Publ., 1964, vol. 6, pp. 317–381. (In Russian)
- 4 Bogin G. G. *Filologicheskaiia germenentika* [Philological hermeneutics]. Kaliningrad, Kaliningradskii gosudarstvennyi un-t Publ., 1982. 347 p. (In Russian)
- 5 Bunin I. A. Ioniia i Kitezkh. K 50-letiiu so dnia smerti gr. A. K. Tolstogo [Ionia and Kitezkh. The 50th anniversary of the death of count A. K. Tolstoy]. I. A. Bunin. *Okaiannye dni* [Cursed days]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990, pp. 359–371. (In Russian)
- 6 Bystrov V. N. Ideia preobrazheniia mira v soznanii i tvorchestve Aleksandra Bloka. Grani tragedii (1910–1921) [The idea of Transfiguration of the world in perceptions and works of Alexander Blok. The edges of tragedy (1910–1921)]. *Literatura i istoriia* [Literature and history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 3, pp. 359–413. (In Russian)
- 7 Likhachev D. S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of art]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 280 p. (In Russian)
- 8 Losev A. F. Logika simvola [Logic symbol]. *Losev A. F. Filosofiiia. Mifologiia. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo Politicheskoi literatury Publ., 1991, pp. 247–274. (In Russian)
- 9 Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. *Losev A. F. Filosofiiia. Mifologiia. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo Politicheskoi literatury Publ., 1991, pp. 21–186. (In Russian)
- 10 Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 620 p. (In Russian)
- 11 Lotman Iu. M. Teatral'nyi iazyk i zhivopis' [The language of the theater and painting]. *Lotman Iu. M. Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1998, pp. 234–280. (In Russian)
- 12 Lotman Iu. M. Tezisy k semiotike russkoi kul'tury. Programma izucheniia russkoi kul'tury [Thesis for the semiotics of Russian culture. The study of Russian culture program]. *Iu. M. Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaiia shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 407–416. (In Russian)
- 13 Lotman L. M. *Realizm russkoi literatury 60-kh gg. XIX v.* [Realism in Russian literature of the 60s of the XIX century]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 350 p. (In Russian)
- 14 Lotman Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture* [Conversations about Russian culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 780 p. (In Russian)
- 15 Lotman Iu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of poetic words: Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow, Nauka Publ., 1988. 280 p. (In Russian)
- 16 Pelepenko A. A., Iakovenko I. G. *Kul'tura kak Sistema* [Culture as a system]. Moscow, AGRAF Publ., 1998. 340 p. (In Russian)
- 17 Svas'ian K. A. *Problema simvola v sovremennoi filosofii* [The issue of symbol in contemporary philosophy]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii pedagogicheskii kolledzh Publ., 2000. 280 p. (In Russian)
- 18 Smirnov I. P. *Megaistoriia. K istoricheskoi tipologii kul'tury* [Megahistory. Toward a historical typology of culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2000. 544 p. (In Russian)

- 19 Solov'ev V. S. Rossiia i Vizantiia [Russia and Byzantium]. *Vestnik Evropy*, 1896, no 4, pp. 787–808. (In Russian)
- 20 Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz*. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, Progress Kul'tura Publ., 1995. 624 p. (In Russian)
- 21 Khanzen-Leve O. *Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian symbolism. System of poetic motives. Early symbolism]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1999. 580 p. (In Russian)
- 22 Khachaturian V. Revoliutsiia i ruskaia kul'tura v kontseptsii [The Russian revolution and the culture concept]. *Evropeiskii al'manakh: Istorii, traditsiia, kul'tura* [European almanac: History, tradition, culture]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 39–49. (In Russian)
- 23 Chaikovskaia O. G. “*Kak liubopynyi skif*”. *Russkii portret i memuaristika vtoroi poloviny XVIII v.* [“As a curious Scythian”. Russian portrait and memoiristics of the second half of the XVIII century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990. 520 p. (In Russian)